

Конец 1708 года и первые шесть месяцев следующего Петр находился вдали от армии. Он не намечал генерального сражения ни в зимние, ни в весенние месяцы 1709 года, так как полагал, что время к тому не пришло — неприятель еще недостаточно измотан. Рисковать царь не хотел, ибо, как он говорил, можно утратить «на одной баталии главной счастье и благосостояние всего государства».

Относительное затишье в зимние месяцы позволило Петру уделить время и внимание, помимо армии, другим заботам. В Сумах, где царь находился около полутора месяцев, его можно было видеть за просмотром напечатанных книг, чтением переводов, составлением указов об организации губерний, совершенствованием гражданского шрифта.

Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, ведавший печатным делом, прислал Петру две книги: Боргсдорфа «Побеждающая крепость» с изложением принципов обороны крепостей и Римплера — «Римплерова манира о строении крепостей». Петр нашел, что «печать во оных книгах перед прежнюю худая, не чиста и толста». Не удовлетворило царя и качество переплета — по его мнению, он был «очень дурен», от неумело сделанных корешков переплета книги «таращились». Петр не ограничился замечаниями, он давал советы, как исправить погрешности, проявив при этом вполне профессиональные познания в типографском и переплетном деле. Он обнаружил недостатки в начертании букв «б» и «п». «Литеру «буки», также и «покой» вели переправить, — пишет царь Мусину-Пушкину, — зело дурно сделаны почерком, также толсты»¹.

Речь шла об усовершенствовании гражданского шрифта, который должен был заменить церковнославянские литеры. Петр в этой работе принимал активное участие, добивался

упрощенного начертания букв. В новом алфавите отсутствовали буквы со сложным звуковым сочетанием «кси» и «пси», устранены были и титлы. Первые книги, отпечатанные «новоизобретенными литеры», появились в 1708 году. Шрифт непрерывно совершенствовался и окончательно был утвержден Петром в 1710 году. Просмотрев образцы литер, он внес в них последние поправки и на оборотной стороне листа с азбукой написал: «Сими литерами печатать исторические и манифактурные книги». Еще раньше было изменено обозначение чисел: вместо букв числа стали изображать арабскими цифрами. Первая книга с арабскими цифрами появилась в 1703 году. Это был учебник, составленный талантливым педагогом Леонтием Магницким: «Арифметика, сиречь наука числительная».

Распространение книг при Петре достигло небывалых размеров. Если в XVII веке единственная типография в Москве выпускала преимущественно книги церковного содержания, то к концу жизни Петра в старой и новой столицах действовало шесть типографий, печатавших светские книги. Свыше трети из 320 книг гражданской печати, опубликованных с 1708 по 1725 год, было посвящено военной и военно-морской тематике. Печатались также книги юридического содержания, художественные произведения, словари, календари и т. д. К новым видам печатной продукции относились царские и сенатские указы, а также реляции о победоносных сражениях русских войск. Книги и реляции были богато иллюстрированы гравюрами иностранных и русских мастеров: Шхонебека, Пикарта, братьев Зубовых, Ростовцева и др.

Значительная часть печатавшихся в России книг являлась переводами с иностранных изданий. Петр и здесь не стоял в стороне, снабжая переводчиков соответствующими наставлениями. Ивану Зотову, переводившему книгу Блонделя об укреплении городов, царь в феврале 1708 года рекомендовал руководствоваться следующим правилом: сначала необходимо «выразуметь» смысл переводимого текста, а затем «на своем языке уже так писать, как внятнее может быть». Петра интересовала не близость перевода к оригиналу, а суть дела, возможность усвоить смысл переводимого. Поскольку книги предназначались «не празной ради красоты, но для вразумления и наставления», перевод должен быть лаконичным и понятным. Петр отправил в качестве образца отредактированный им перевод книги о хлебопашестве, из которого он изъясил «лишние», по его мнению, сюжеты — они «время только тратят и у чуужи отъемлют»².

С конца 1708 года Петр начал осуществлять губернскую реформу. Указ 18 декабря извещал о намерении «для всенародной пользы учинить 8 губерний и к ним росписать города». Суть реформы состояла в том, что между старинными уездами и центральными учреждениями в Москве, которым непосредственно подчинялась уездная администрация, появилась промежуточная инстанция — губернские учреждения. Губернии возглавляли губернаторы, наделенные всей полнотой административной, судебной и военной власти. Губернаторами царь назначил близких себе людей, пользовавшихся его доверием. Управление Петербургской губернией поручалось князю Меншикову, в Воронежскую был назначен адмирал Федор Матвеевич Апраксин, в Казанскую — его брат Петр Матвеевич, в Московскую — боярин Стрешнев. Для организации губернской администрации предоставлялся годичный срок — новые учреждения должны были приступить к работе с 1710 года.

Создание губерний являлось ответной мерой Петра на восстания в Астрахани и на Дону, на непрекращавшиеся волнения в Башкирии, а также на сопротивление трудового населения сборам налогов, рекрутчине, принудительным мобилизациям на строительные работы. Губернские учреждения укрепляли власть на местах. Находясь ближе к возможным очагам неповиновения, губернские власти оперативно подавляли его в самом зародыше. Эти же власти широко использовали находившиеся в их распоряжении воинские команды для жестокого выколачивания налогов с населения.

Покидая в начале февраля Сумы, Петр оставил Репнину, Шереметеву и Меншикову указ, «что без меня чинить». Генералы должны были укомплектовать полки рекрутами, снабдить их вооружением и снаряжением. Что касается военных действий, то, как и раньше, надлежало наносить урон неприятелю неожиданными нападениями, «всяк оному причинять беспокойство» и следовать за ним «как близко возможно», однако смотреть, чтобы Карл не прорвался к Днепру, где он мог соединиться с войсками шведского генерала Крассау и польскими отрядами Станислава Лещинского. Уже находясь в Воронеже, царь еще раз обязал своих генералов уклоняться от генерального сражения: «А ежели неприятель захочет баталии, то до моего прибытия не давать главной баталии».

Как и раньше, предметом попечения Петра в Воронеже был флот. От взятых в плен шведов царь узнал, что шведский король будто бы намеревался идти на Москву через

Воронеж. Хотя показания «языков» и не внушали доверия, царь все же считал, что предосторожность не помешает. Реальнее была угроза с юга, со стороны турок. Царь рассудил, что для нападения турок и крымских татар наступил самый благоприятный момент — театр военных действий переместился на юг. Опасения Петра подкреплялись слухами о «помышлении турок к войне». Именно поэтому царь со свойственной ему энергией во время почти двухмесячного пребывания в Воронеже руководил сооружением кораблей для Азовского флота. Он обучал корабелов правилам изготовления «добрых смол», конопачивания судов «и во всех почти трудных работах был предначинатель и указатель доброго мастерства». А когда выяснилось, что верфь испытывает недостаток в гвоздях, болтах, пушках и якорях, царь отправляется на Ивановский завод, где две недели рядом с мастерами льет бомбы, гранаты, мортиры, кует якоря и болты.

Из Воронежа царь отправился в Азов. В одном из источников, принятых на веру историками, сказано, что возглавляемая им эскадра насчитывала 241 корабль, среди которых находилось 28 крупных судов, спущенных на воду в его присутствии. Однако современная исследовательница А. П. Глаголева установила, что этот слух распространили шведы с целью подвигнуть Османскую империю на войну с Россией и тем самым вынудить Петра воевать на два фронта. В столице Османской империи, куда докатились эти слухи, началась паника, население покидало Стамбул. В действительности же отправленный в Азов флот состоял всего из двух бригаantin и нескольких мелких судов. Не лишена оснований и догадка А. П. Глаголевой, что слух о могущественной эскадре мог исходить из русского лагеря. Цель его — уstrasшить турок, вынудить их воздержаться от открытых военных действий³.

Первое впечатление от осмотра Азова, в котором царь не был десять лет, осталось утешительным: «А здесь гораздолюднее, нежели при нас перво было». Запомнилась панорама гавани в Троицком: «сие место, которое пред десяти летамипустое видели... ныне изрядной город купно з гаваном обрели. И хотя где долго хозяин не был, и не все исправно, однакоже есть что смотреть». Неисправными, как и в Воронеже, оказались корабли: «флот здешний большею частью сгнил».

Распорядившись о постройке новых кораблей и углублении гавани в Азове, Петр отправился 27 мая к армии⁴. Этому событию предшествовало получение двух новостей, свидетельствовавших о бескомпромиссных намерениях шведского короля. 1 мая стало известно, что Карл XII отклонил еще одну мирную инициативу царя. Петр предлагал заклю-

чить мир, претендуя лишь на оставление за Россией Петербурга и Шлиссельбурга. Карл ответил посланцу царя, что мир он будет диктовать в Москве, предварительно получив 30 миллионов ефимков компенсации за расходы, якобы издержанные Швецией в годы войны.

Другое известие курьер доставил Петру 5 мая. Из него следовало, что «шведы хотят доставать Полтаву».

В месяцы, проведенные царем в Сумах и на верфях, армия Карла XII в жестокую стужу бродила по заснеженным стенам Украины. Русские отряды и население не давали этой армии ни отдыха, ни крова, ни пищи. Каждый населенный пункт шведы брали штурмом. Героическое сопротивление шведам оказала ничтожная крепость Веприк, наспех окруженная валом, возведенным в зимнюю стужу. Карл сначала велел подвергнуть городок артиллерийскому обстрелу, но, истратив уйму снарядов и обнаружив бесплодность затеи, велел штурмовать его. Малочисленный гарнизон русских и украинцев, располагавший всего тремя пушками, трижды отбивал приступы. Шведы ворвались в крепость 6 января 1709 года лишь после того, как осажденные израсходовали весь порох. Королевская армия недосчиталась при этом свыше 1200 солдат и офицеров. Путь на северо-восток был усеян такими же городами, которые надо было осаждать, штурмовать, неся потери, тратя боеприпасы.

В феврале Карл достиг крайнего восточного пункта Слободской Украины — Коломака. Там произошел любопытный разговор между шведским королем и Мазепой. «Старый Мазепа, который со своими казаками участвовал в этой экспедиции, хотел польстить королю, рядом с которым он ехал на лошади, принося ему поздравления с его военными успехами и говоря ему по-латыни, что уже находятся не более как в восьми милях от Азии». Карл принял всерьез льстивую речь бывшего гетмана и поручил генерал-квартирмейстеру Гилленкроку разведать дороги, ведущие в Азию. Гилленкрок, более осведомленный в географии, чем его повелитель, заметил, что до Азии еще далеко.

— Но Мазепа мне сказал, что граница отсюда недалеко. Мы должны туда пройти, чтобы иметь возможность сказать, что мы были также и в Азии.

Гилленкрок стоял на своем:

— Ваше величество изволите шутить, и, конечно, вы не думаете о подобных вещах серьезно.

Возражать королю было бесполезно:

— Я вовсе не шучу. Поэтому немедленно туда отправляйтесь и осведомитесь о путях.

Генерал-квартирмейстер ушел, но не разведывать дороги в Азию, а к Мазепе, чтобы выяснить, зачем он вводит в заблуждение короля. Разговор закончился внушением Мазепе:

— Ваше превосходительство отсюда может видеть, как опасно шутить таким образом с нашим королем. Ведь это господин, который любит славу больше всего на свете, и его легко побудить продвинуться дальше, чем было бы целесообразно».

За зимними стужами началось раннее половодье. Шведская армия таяла на глазах от недоедания, болезней, лихих налетов «партий» регулярной армии и партизан. Шведы повернули на юг в намерении овладеть Полтавой. Они двигались навстречу своей гибели.

Первые отряды шведских войск появились под стенами Полтавы 1 апреля. Мазепа внушал Карлу мысль, что овладение Полтавой обеспечит переход на сторону шведов всей Украины.

Но и в расчетах шведского короля захват Полтавы сулил немалые выгоды — город являлся узлом дорог, среди которых важнейшей была та, что вела к возможным союзникам — туркам и крымским татарам. С ними король вел переговоры о заключении договора против России.

Впрочем, наиболее проницательные из шведских генералов видели гибельность осады Полтавы. Если движение на запад, за Днепр, по их мнению, хотя и было сопряжено с большими потерями, но все-таки могло сохранить костяк армии, то стояние у Полтавы и попытки овладеть городом вели к катастрофе. Именно эту точку зрения отстаивал Гилленкрок в беседе с королем.

Король: Вы должны приготовить все для нападения на Полтаву.

Гилленкрок: Намерены ли ваше величество осаждать город?

Король: Да, и вы должны руководить осадой и сказать нам, в какой день мы возьмем крепость.

Гилленкрок возразил, что армия не располагает всем необходимым для подобной осады.

Король: У нас достаточно материала, чтобы взять такую жалкую крепость, как Полтава.

Гилленкрок: Хотя крепость и не сильна, но в гарнизоне 4 тысячи человек, не считая казаков.

Король жил воспоминаниями почти девятилетней давности. Самоослепленность мешала ему верно оценивать окружающее, и он изрек:

— Когда русские увидят, что мы серьезно хотим напасть, они сдадутся при первом же выстреле по городу.

Сколько Гилленкрот ни убеждал короля, что гарнизон Полтавы будет обороняться до последнего, что шведская армия испытывает острый недостаток в артиллерии и боеприпасах, что штурм будет стоить огромных потерь, Карл оказался глухим к разумным советам и парировал все доводы характерной для него фразой:

— Да, вот именно мы должны совершить то, что необыкновенно. От этого мы получим честь и славу.

Город действительно был укреплен слабо. Земляные валы, ров и частокол из дубовых бревен — вот все оборонительные сооружения, которыми располагал гарнизон. Тем не менее шведы почти три месяца безуспешно пытались овладеть городом. После многочисленных попыток взять крепость штурмом Карл, так не любивший осадных работ, все же вынужден был приступить к осаде.

Осажденные во главе с комендантом крепости Алексеем Степановичем Келиным проявили твердость духа. Еще в январе 1709 года полковник Келин наряду с прочими комендантами украинских крепостей получил приказ Петра: «Ежели неприятель будет вас атаковать, то, с помощью Божиею, боронитца до последнего человека, и ни на какой аккорд с неприятелем никогда не вступать под смертной казнию. Також, ежели коменданта убьют, то надлежит первому под ним офицеру комендантом быть, и так последовать и прочим (сколько побитых ни будет) одному за другим, чтоб дела тем не остановить». Число защитников города постепенно уменьшалось, тем не менее осажденные отбивали приступы шведов и даже сами совершали вылазки и препятствовали осадным работам. 2 июня к полковнику Келину в восьмой раз явился барабанщик с предложением сдать город на самых почетных условиях. Шведы грозили, что в противном случае все защитники крепости будут истреблены. Парламентер ушел со следующим ответом Келина:

— Мы уповаем на Бога, а что объявляешь, то мы чрез присланные, коих семь имеем, известны; тако же знаем, что приступов было восемь и из присланных на приступе более трех тысяч человек при валах полтавских головы положили. И так тщетная ваша похвальба; побить всех не в вашей воле состоит, но в воле Божией, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет.

Петр, находясь вдали от событий и получив известие об осаде шведами Полтавы, разгадал значение города в стратегических планах Карла. «Сие место зело нужно», — писал

царь Меншикову, стоявшему недалеко от Полтавы, и предложил два способа оказания помощи осажденному гарнизону: либо совершить диверсию на Опошню и тем отвлечь внимание Карла от Полтавы, либо укрепиться на противоположном от шведов берегу Ворсклы и попытаться оказать помощь гарнизону в продовольствии, живой силе и вооружении. «В протчем же, — заключал царь свои размышления, — яко заочно, полагаюсь на ваше рассуждение⁵».

Предложенным планом помощи осажденной Полтаве, составленным «заочно», Петр еще раз обнаружил незаурядное полководческое дарование. Меншиков начал осуществлять этот план, когда курьер с указом Петра находился еще в пути.

7 мая Меншиков напал на шведов в Опошне, перебил гарнизон и вынудил Карла прибыть туда на помощь. Диверсия закончилась успешно — русские организованно отошли на противоположный берег Ворсклы. В ночь на 15 мая в осажденную Полтаву проник отряд в 900 человек. Пришедшие в город солдаты «не токмо что платье все, но и штаны ради болотных зело глубоких переправ поскидали». Они доставили в крепость свинец и порох.

Петр прибыл к Полтаве 4 июня. Там уже находилась вся шведская армия, подтягивалось и русское войско. Оценив обстановку на месте, Петр решил, что наступило время дать шведам генеральное сражение. «Сошлись близко с соседями, с помощью Божиею, будем конечно в сем месяце главное дело со оными иметь», — пишет он Федору Матвеевичу Апраксину 7 июня⁶.

Шведские войска, осаждавшие Полтаву, фактически сами оказались на положении осажденных. Расстановку сил в первой половине июня метко выразил будущий канцлер Головкин, находившийся с войсками под Полтавой. Он писал русскому послу в Дании: «И можно сказать, что неприятель есть паче от нас в осаде, нежели помянутая крепость от него»⁷. Действительно, шведы, оказавшиеся еще со времени разгрома у Лесной в стратегическом окружении, теперь попали в столь отчаянное положение, что в генеральном сражении видели единственный шанс на спасение.

Выдающаяся заслуга Петра как полководца состоит, в частности, в том, что он выбрал для генерального сражения такое время, когда неприятель был ослаблен изнурительными маршами, а также предшествующими военными неудачами и уже не располагал той силой, с которой вторгся в Россию. Напротив, русская армия, постоянно пополнявшаяся резервами и овладевшая основами современного воен-

ного искусства, стала неизмеримо сильнее, чем в начальный период вторжения неприятеля в Россию.

Первоочередная задача, однако, состояла в том, чтобы оказать помощь терпящему бедствие гарнизону Полтавы. Царь отправляет в ядре приказ Келину совершить вылазку из города как раз в тот момент, когда русские войска будут пытаться прорвать блокаду. Атака намечалась на 12 июня, но она не состоялась — ливневый дождь поднял уровень воды в Ворскле настолько, что переправа оказалась невозможной.

Русские войска переправились через Ворсклу 20 июня. Карл XII теперь понял — царь намерен дать генеральное сражение. В его ожидании король предпринял 21 и 22 июня отчаянные попытки овладеть Полтавой штурмом. Но защитники крепости выстояли и на этот раз — ранним утром 21 июня на площади у Спасской церкви они дали клятвенное обещание сражаться со шведами до последней капли крови и сдержали эту клятву.

Начиная с 20 июня в русском лагере кипела напряженная работа: стучали топоры, солдаты работали лопатами — готовили укрепления. Петр, как и у Лесной, избрал для предстоящего сражения закрытую местность. Фланги русского лагеря упирались в густой лес, в тылу — крутой берег реки Ворсклы, через которую были наведены мосты. Открытая равнина находилась лишь перед фронтом русского лагеря. Именно оттуда Петр ждал наступления шведов. Он велел соорудить шесть редутов на расстоянии ружейного выстрела один от другого. Перпендикулярно к ним намечалось строительство еще четырех редутов, из которых только два оказались готовыми к началу сражения. Назначение шести редутов состояло в том, чтобы ослабить силу наступательного порыва шведов. Четыре перпендикулярных редута должны были рассечь их боевые порядки.

25 июня Петр произвел смотр войскам, и в этот же день военный совет разработал диспозицию сражения. Командование первой дивизией Петр взял на себя, а прочие дивизии распределил между генералами. Кавалерия была поручена Меншикову, командование артиллерией Петр возложил на генерал-лейтенанта Брюса, снабдив его планом размещения мортир и гаубиц. В «Гистории Свейской войны» записано: «Фельдмаршал и генералитет просил его царское величество, чтоб в баталию не приобщаться (то есть не участвовать в сражении. — Н. П.), на что изволил сказать, чтоб о том ему более не говорили».

День 26 июня Петр провел в непрерывных хлопотах. В этот день царю сообщили неприятную новость: из Семенов-

ского полка к неприятелю бежал унтер-офицер. Царь понимал, что изменник сообщит королю о слабых местах обороны и посоветует нанести удар по необстрелянному полку, укомплектованному новобранцами. Петр велел обрядить в форму этого полка опытных и закаленных в боях солдат Новгородского полка.

В преддверии генеральной баталии, в тот же день 26 июня, Келину было переброшено ядро с новым предписанием Петра: «Ныне инако вам повелеваем, чтоб вы еще держались до половины июля и далее, понеже мы лучшую надежду отселя, с помощью Божиею, имеем вас выручить, о чем паки подтверждаем: держитесь, как возможно, и нам давайте знать о себе»⁸.

Шли последние приготовления к сражению. Петр в мундире гвардейского офицера из темно-зеленого сукна с красными обшлагами, с развевающимся на ветру офицерским шарфом появлялся то среди драгунских полков, то среди пехотинцев, строивших редуты, то среди артиллеристов. К офицерам гвардейских полков он обратился с речью.

— Вам известно, что кичливый и прозорливый их король войску своему расписал уже в Москве квартиры; генерала своего Шпарра пожаловал уже губернатором московским и любезное наше Отечество определил разделить на малые княжества и, введя в оное еретическую веру, совсем истребить. Оставим ли такие ругательства и презрение наше без отмщения?

От имени генералов и офицеров Петру отвечал боевой генерал-лейтенант Михаил Михайлович Голицын. Напомнив о сражении при Лесной, он сказал:

— Ты видел труд и верность нашу, когда чрез целый день в огне стояли, шеренг не помешали и пяди места неприятелю не уступили; четыре раза от стрельбы ружья разгорались, четыре раза суммы и карманы патронами наполняли; ныне же войска те же, и мы, рабы твои, те же. Уповаем иметь подвиг ныне, как и тогда⁹.

26 июня был памятным днем и для Карла. В этот день он принял роковое для себя решение — атаковать русский лагерь. Несколькоми днями раньше король получил две безрадостные вести. Одна исходила от Станислава Лещинского и шведского генерала Крассау, сообщивших, что они не могут прийти из Польши под Полтаву, так как сами должны отбиваться от постоянных нападений кавалерии русского генерала Гольца. Другую весть доставили из Константинополя — турецкое правительство уведомило, что оно не намерено вмешиваться в конфликт между Швецией и Россией. Помо-

Образ великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца. Неизвестный художник. Конец 70-х — начало 80-х гг. XVII в.

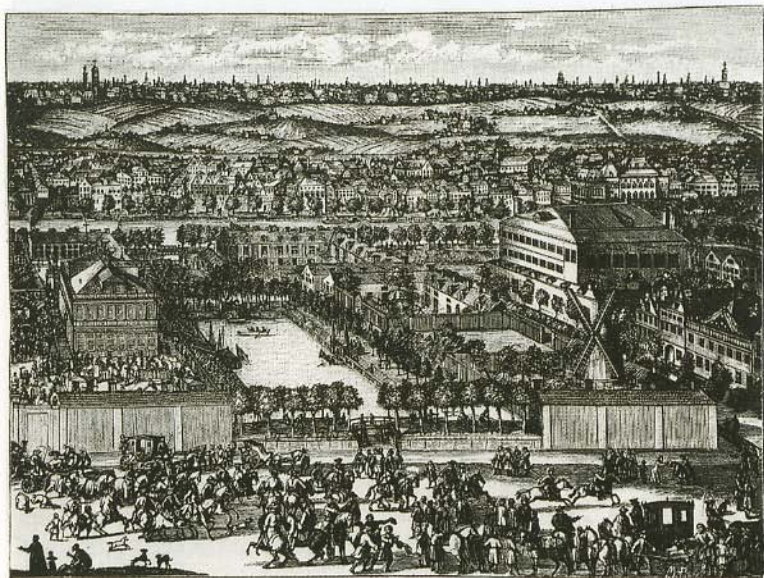

Царица Наталья Кирилловна,
мать Петра I. *Неизвестный
художник. Конец XVII — начало
XVIII в.*

Царь Федор Алексеевич.
Копия с портрета XVII в.

Немецкая слобода в Москве в начале XVIII в.

IOANNE ALEXOVITZ
Cognus Au Grand Duc de
Russie Autocrateurs de Mos-
covie de plus grandes terres &
Michaelovitch Czar et Grand Duc de Mos-
covie et Grand Duc de Novorossie, decede en
Nacquit en 1667, et le Cadet Nacquit en
Concurrement au prejudice de l'Aine qui
Incapable du Gouvernement, Neantmoins
disputer toutes les brigues et Seditions la-
qui ses deux freres regnent en repos d'une Union fraternele, Ses Princes desirant entretenir une
bonne Amite et Correspondance avec la France, estont penetree et Charmee d'une tres haute
Estime des Grands de son Puissance Monarque Louis le Grand, luy Ont Envoye tout l'aprez
deux Ambassadeurs avec une tres belle suite de plus de quatre Vingt personnes en 1685, qui
ont Estee receus avec tout l'honneur qu'on rend aux Ambassadeurs des testes Couronnees,
dont ils Ont Estee tres Satisfaites et contens, &c.

PETER ALEXOVITZ
la Grande Petite et Blanche
cousine, Conservateurs et Domi-
Saigneries de, Fils d'Alexej
comme de Freres de Theodore, Alceoumte
1682, l'Aine de ses deux Princes Freres
1689, est luy Eleue sur le Trone d'un Commun
est infirme de la Veue ce qu'il rend tres
pour appaiser tous les troubles et pour
Politique d'Etat la l'Veue aussi sur le trone.

Paris chez la Citoyenne Bertrand Rue d'Anjou la Pensive d'Or. pres St. Severin.

Avec Privil. du Roy.

Цари и великие князья Иван (в профиль) и Петр Алексеевичи.
Гравюра Н. Лармессена. 1685 г.

Шапка алмазная царя
Петра Алексеевича.
1680-е гг.

Медаль на восшествие
на престол Петра I.
И. Г. Вехтер, С. Юдин.
1682 г.

Двойной трон царей
Ивана и Петра
Алексеевичей. 1680-е гг.

Никита Моисеевич Зотов,
учитель Петра I.
Неизвестный художник.

Франц Яковлевич Лефорт.
Гравюра П. Шенка. 1698 г.

Знамя 9-й конной стрелецкой
сотни. XVII в.

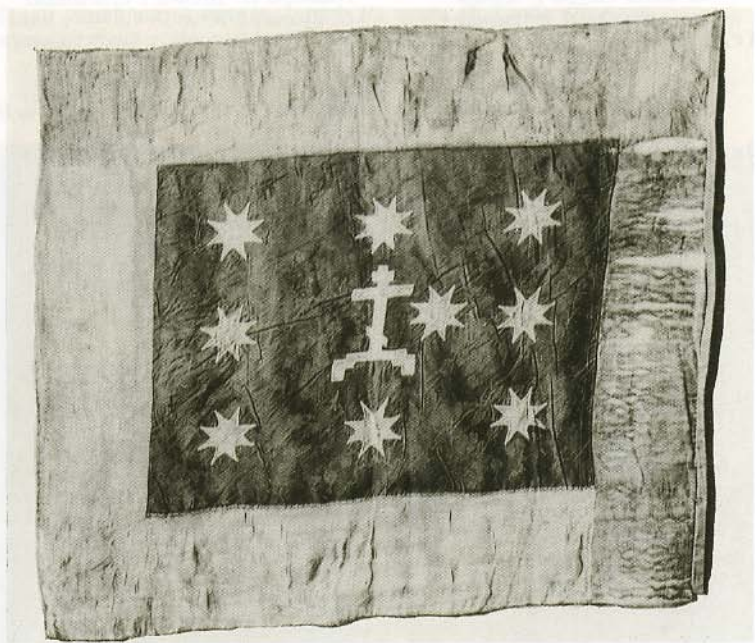
Никита Зотов обучает Петра.
Миниатюра из «Истории
Петра Великого» П. Крекшина.
Список первой половины XVIII в.

Царевна Софья Алексеевна.
Неизвестный художник.
1680-е гг.

Василий Васильевич
Голицын. Гравюра
Л. Тарасевича. 1689 г.

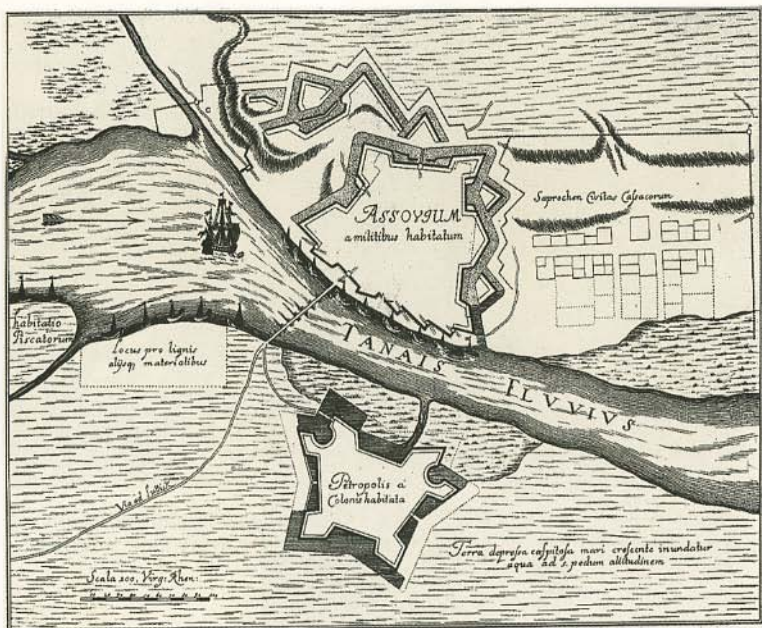
Царица Евдокия Федоровна,
первая жена Петра I. Копия
с оригинала первой четверти
XVIII в.

Царевич Алексей Петрович.
Гравюра П. Шенка с оригинала
С. Гуэна. 1703 г.

Вид города Воронежа и корабельной верфи. Рисунок из книги
де Брюина. 1714 г.

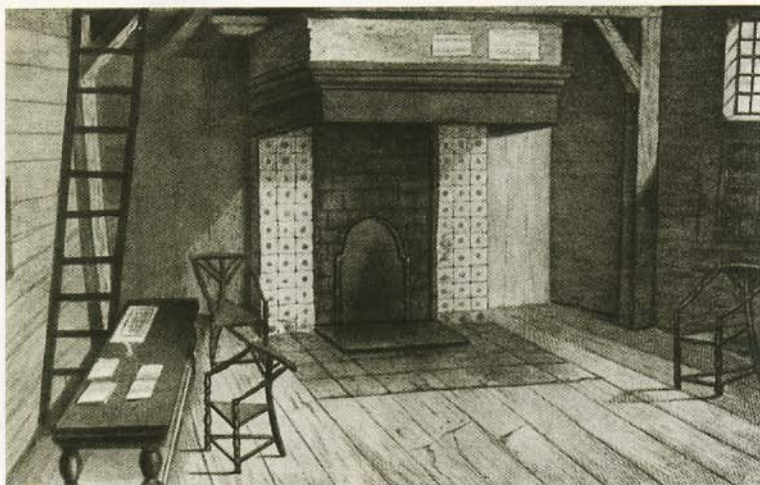

План укреплений города Азова. Из книги И. Корба «Дневник путешествия в Московию 1698 и 1699 гг.».

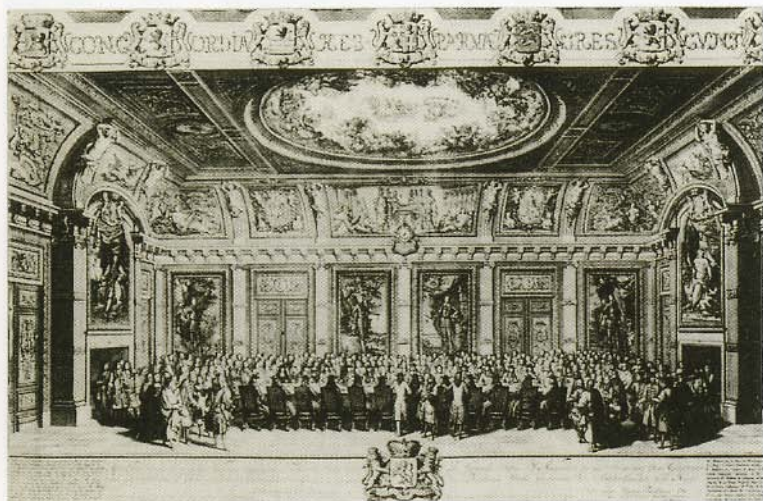
Взятие Азова в 1696 г. С гравюры А. Шхонебека.

Внутренний вид домика в Саардаме,
в котором жил Петр.

Встреча русского посольства в Гааге
3 октября 1697 г. *А. Сторк.*

Князь Федор Юрьевич
Ромодановский.
Неизвестный художник.

Жалованная грамота
Ф. Ю. Ромодановскому. 1714 г.

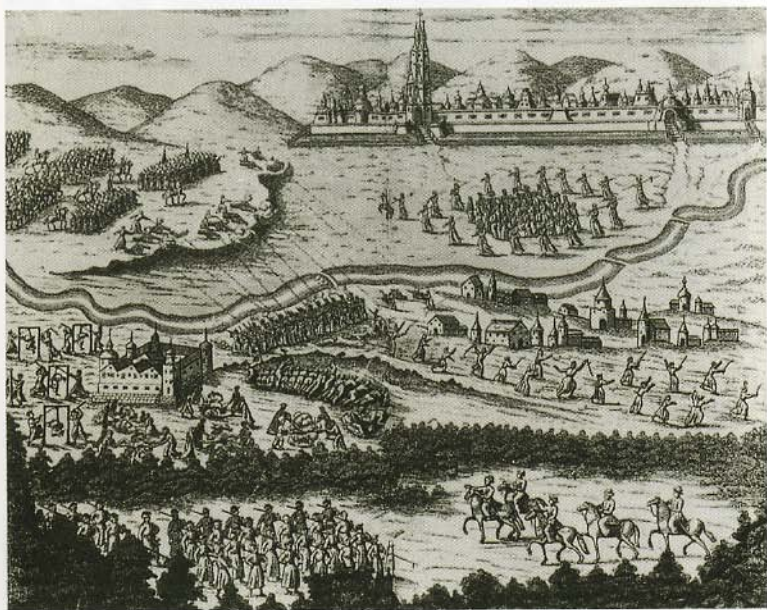
Прием Великого посольства императором Леопольдом I. 1698 г.

Медаль на восстановление спокойствия в государстве после окончательного уничтожения стрельцов: «Величество твое везде ясно». О. Калашиков, Т. Иванов, А. Васильев. 1718 г.

Сражение со стрельцами у Нового Иерусалима. Из книги И. Корба «Дневник путешествия в Московію».

Петр I. Гравюра П. Гунста с портрета работы Г. Кнеллера. 1697 г.

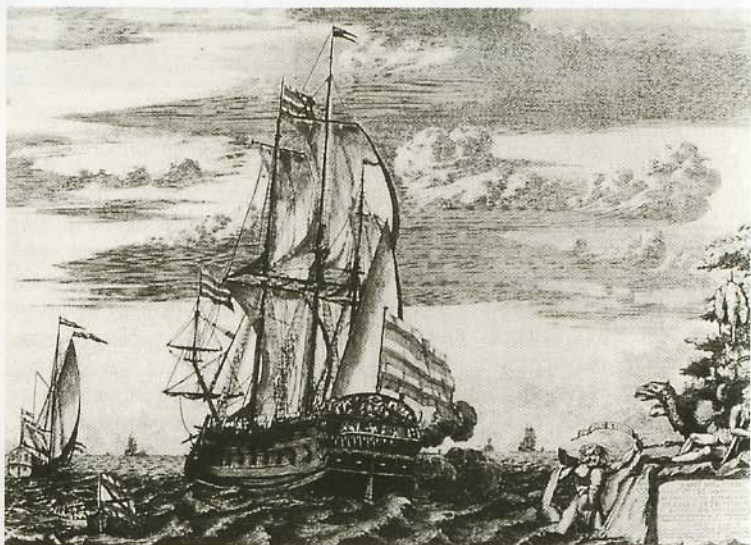

Золотой наперсный крест царя
Петра Алексеевича.
Последняя четверть XVII в.

Парадное парское одеяние
царя Петра Алексеевича.
1680—1690-е гг.

Корабль «Готопредистинация». А. Шхонебек. 1700—1701 гг.

Цари Иван и Петр Алексеевичи, паревич Алексей, патриарх Адриан и митрополит Варлаам Ясинский. Гравюра из книги Ф. Г. Вебера «Преображенная Россия». 1721 г.

щи, следовательно, ждать было неоткуда. Карл знал, что время работает против него, — изменник-перебежчик сообщил, что царь ожидает подхода 40-тысячной нерегулярной конницы калмыков (на самом деле подошло 3 тысячи), и тогда превосходство будет столь значительным, что русские «всю армию его королевскую могут по рукам разобрать».

26 июня король также произнес речь. Его, полулежавшего на носилках, медленно несли перед фронтом выстроившихся войск. Несколькими днями раньше во главе небольшой кавалькады он натолкнулся на сидевших у костра казаков и не удержался — слез с коня и застрелил одного из казаков. Ответная пуля застряла в ноге, и королю за ребяческое тщеславие пришлось расплачиваться болезненной операцией.

Речь Карла резко отличалась от речи Петра. Петр призывал к защите Отчизны, к выполнению патриотического долга. Карл обращался к армии-завоевательнице, соблазнял ее роскошным обедом: офицеров он приглашал на пир в шатры московского царя.

— Он приготовил нам много кушанья. Идите же завтра туда, куда ведет вас слава.

Движение шведов к русскому лагерю началось 27 июня, в третьем часу, когда было еще темно. В ночной тишине слышался гул тысяч солдатских ног и конских копыт — в шведском лагере шли последние приготовления к сражению.

Подойдя к редутам, неприятельская пехота ринулась в атаку. Для русской армии эта атака не была неожиданной — Меншиков уследил тот момент, когда шведы двинулись с места, и задержал продвижение кавалерии встречным боем, чем дал возможность подготовиться русской пехоте к должной встрече противника. Шведским войскам удалось овладеть двумя недостроенными редутами. И все же развить успех шведам не удалось. Они оказались под губительным огнем русской артиллерии и вынуждены были отойти. Реншильд, которому раненый Карл поручил командование всей армией, направил левофланговую кавалерию в обход русских войск, но и этот маневр был обречен на неудачу — шведской кавалерии противостояла энергично действовавшая кавалерия Меншикова и артиллерия генерала Брюса. Превосходство русской артиллерии было подавляющим — против 39 стволов шведов действовали 102 русские пушки.

Опьяненному успехом Меншикову казалось, что еще одно усилие, и неприятель будет сломлен. Он трижды просил царя прислать ему подкрепление, чтобы разгромить шведов.

Петр, однако, обоснованно придерживался ранее разрабатанного плана сражения и велел Меншикову вывести конницу с поля боя. Отвод конницы шведы приняли за отступление, бросились ее преследовать и вновь приблизились к русским редутам на расстояние картечного огня. Спасаясь от этого огня, они кинулись в лес, и здесь часть из них была уничтожена.

Около 8 часов утра Петр решил вывести свою армию из редутов. В центре построения находилась пехота, между ее боевыми порядками размещалась артиллерия. Кавалерия была расположена на флангах.

Шереметеву царь велел вывести шесть драгунских полков с передовой линии, непосредственно противостоящей неприятелю, подойти к стоявшим в стороне войскам Скоропадского и наблюдать за ходом сражения: в случае, если шведы двинутся против украинских войск гетмана, надлежало оказать им помощь. «А о вступлении в баталию ожидать указа», — заключил свое распоряжение Петр.

Ослабление передовой линии встретило возражение Шереметева, его поддержал князь Репнин. Они говорили: «Надежнее иметь баталию с превосходным числом, нежели с равным». Петр им ответил: «Больше побеждает разум и искусство, нежели множество».

Перед пехотинцами царь выступил со знаменитой речью, известной под названием приказа Петра:

— Ведало бы российское воинство, что оный час пришел, который всего Отечества состояние положил в руках их: или пропасть весьма, или в лучший вид отродиться России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быть за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский.

Царь закончил свою речь словами:

— О Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние¹⁰.

Карл попытался концентрированным ударом прорвать центр построения русских войск, состоявший из солдат Новгородского полка. Шведам удалось потеснить первую линию полка. Заметив это, Петр сам повел второй батальон новгородцев в контратаку и восстановил положение. Между тем конница, находившаяся на флангах, ринулась в атаку на шведскую кавалерию и потеснила ее. Огромное опустошение в рядах атакующих шведов производила артиллерия. Вот как описывает ее действия современная хроника: «Первой залф учинен от войска царского величества так сильно,

что в неприятельском войске от падших тел на землю и ружья из руки убиенных громкой звук учинился, которой внушал, якобы огромные здания рушились».

Шведы дрогнули. Карл, поднятый на руках, сколько ни призывал бегущих остановиться, не мог предотвратить паники. Через два с половиной часа сражения шведской армии не существовало. Победа была полной.

Еще не подсчитаны трофеи, еще неизвестны потери свои и неприятельские, еще неясно, что случилось с королем и где он, «с нами или с отцы нашими», а разгоряченный сражением Петр, не чувствуя усталости после нескольких бессонных ночей, берется за перо, чтобы известить «о зело превеликой и нечаемой виктории».

В дальнейшем ход сражения уточнялся, выяснялись детали. Меншиков рассказал, что за время баталии он сменил трех сраженных коней, Петр показал свою пробитую пулей фетровую шляпу.

После завершения сражения в шатер царя приводили одного за другим пленных генералов и министров шведского короля, принесли разбитые ядром носилки Карла. Петр все попытывался: «Неужели не увижу сегодня брата моего Карла?»

Петру не довелось встретиться с поверженным королем ни в этот памятный день, ни позже. Тщетно искали живого или мертвого короля на поле боя — он с остатками разгромленной армии, Мазепой и мазепинцами во всю прыть мчался к Днепру. Русская кавалерия преследовала беглецов до тех пор, пока не обессилели кони. Вечером в погоню за уходящими на запад беглецами Петр отправил гвардейские и драгунские полки.

В третьем часу дня Петр устроил обед для генералов и старших офицеров, участвовавших в сражении. На обед были приглашены взятые в плен шведские генералы и министры. Царю сообщили о хвастливой речи короля, обещавшего своим офицерам обед в шатре русского царя. С иронии по этому поводу и начал речь Петр:

— Вчерашнего числа брат мой король Карл просил вас в шатры мои на обед, и вы по обещанию в шатры мои прибыли, а брат мой Карл ко мне с вами в шатер не пожаловал, в чем пароля своего не сдержал. Я его весьма ожидал и сердечно желал, чтобы он в шатрах моих обедал, но когда его величество не изволил пожаловать ко мне на обед, то прошу вас в шатрах моих отобедать.

За этим же обедом царь в шутку произнес свой знаменитый тост за здоровье шведских учителей в ратном деле. Первый шведский министр граф Пипер бросил ответную реплику:

— Хорошо же ваше величество отблагодарили своих учителей!

Приглашением шведских генералов и министров на обед Петр проявил рыцарское отношение к побежденным и уважение к противнику — качества, которых был лишен его «брат Карл». Великодушие царь проявил и к фельдмаршалу Реншильдту, подарив ему в знак высокой оценки его мужества собственную шпагу.

Остаток дня 27 июня и всю ночь команды очищали поле сражения от трупов, подбирали раненых. Убитых русских солдат и офицеров насчитали 1345 человек, в то время как шведов — свыше 8 тысяч. В 6 часов утра 28 июня в присутствии Петра состоялось торжественное захоронение погибших русских воинов. Над двумя братскими могилами был насыпан высокий холм, его венчал деревянный крест.

В тот же день Петр совершил триумфальный въезд в освобожденную Полтаву. Стало известно, что ее героический гарнизон располагал всего полутора бочками пороха и восемью ящиками патронов, ядер давно не было и в помине, и пушки заряжали камнями и картечью, изготовленной из нарезанных кусочков железа.

30 июня наступил финал похода Карла XII на Россию. После катастрофы у Полтавы, под стенами которой были похоронены все дерзкие мечты Карла, шведская армия, бросив обозы, стремительно двигалась на запад. В этот день она подошла к Днепру у Переволочны. Размышлять о том, что делать дальше, не было времени — за шведами по пятам двигалась русская конница. Достичь противоположного берега шведы не могли, так как средства переправы были задолго до этого уничтожены русскими. С трудом удалось разыскать несколько лодок для короля и его охраны. Карл вручил командование войсками генералу Левенгаупту. Быстрые удары весел направляют лодку к противоположному берегу. Смельчаки, отважившиеся преодолеть реку вплавь, тонут на глазах короля. Наконец Карла усаживают в карету, и незадачливый завоеватель стремительно мчится на юг, в турецкие владения, то и дело оглядываясь назад — нет ли погони. Вместе с королем бежал Мазепа и мазепинцы.

В то время как отряд князя Григория Волконского скакал по следам Карла XII и Мазепы, Меншиков, исполняя поручение Петра, отправил в Москву следующее повеление: «По получении сего сделайте тотчас монету серебряную весом в десять фунтов, а на ней велите вырезать Июду на оси-

не повесившегося и внизу тридесять серебреников лежащих и при них мешечек, а назади надпись против сего: «Треклят сын погибельный Июда еже за сребролюбие давится». И к той манете, зделав цепь в два фунта, пришлите к нам на нарочной почте немедленно».

Это был орден Иуды, специально учрежденный для предателя Мазепы. Петр не терял надежды, что изменник будет схвачен на пути в Турцию или выдан турками.

Получить «награду» вместе с цепью, весившей около пяти килограммов, Мазепе не довелось. В конце июля он благополучно добрался до Бендер и там вскоре, по одним свидетельствам, умер своею смертью, а по другим — отравился.

Орден Иуды все же обрел владельца — им оказался царский шут князь Юрий Федорович Шаховской. Он изредка появлялся в обществе царя с «манетой» и массивной цепью на шее, по своему весу более напоминавшей вериги, чем орден.

Через три часа после того как король оставил свою армию, к Переволочне подошел корпус Меншикова. Петр поручил завершить разгром шведов именно Меншикову, ибо трудно было сыскать лучшего исполнителя для подобного плана. Светлейший мог, когда того требовала обстановка, проявлять беззаветную отвагу и идти на явный риск либо, напротив, действовать столь осторожно и предусмотрительно, что этими своими качествами ставил в тупик неприятеля. И хотя русских насчитывалось всего 9 тысяч человек против 16 тысяч шведов, Меншиков знал, что перед ним стояла потрясенная неслыханным поражением и утомленная трехсуточным бегством голодная толпа, и поэтому предложил Левенгаупту немедленно и безоговорочно капитулировать. В противном случае князь грозил шведской армии полным истреблением.

1 июля прибывшему к Переволочне Петру Меншиков доложил, что в плен сдались 16295 шведов. Царь тут же отправил указ Шереметеву: «Изволь прислать к нам, не мешкая, 500 лошадей с телегами, на которых довести до обозу неприятельское ружье и амуницию»¹¹.

Что случилось с шведской армией? Почему в ее действиях исчезла прежняя самоуверенность, почему остатки этой армии во главе с прославленным полководцем, выигравшим около шести десятков сражений, стали искать спасение в постыдном бегстве? Неужели отвага покинула Карла и его войско?

Ответы на эти вопросы следует искать не в шведском, а в русском лагере. Шведское войско и его полководец остались прежними: солдаты, как и раньше, верили в счастли-

вую звезду своего короля, а сам король не допускал даже мысли, чтобы какая-либо армия могла превосходить шведскую. Что же тогда изменилось?

Изменилась русская армия. Раньше инициатива исходила от шведов, теперь — от русских. Раньше свою волю противнику навязывал Карл XII, теперь свою волю диктовал Петр I. Участвовавшие в Полтавской битве владимирские, тверские, рязанские, нижегородские, воронежские, вологодские крестьяне и горожане имели за плечами долгие годы ратного труда, они прошли путь от Нарвы до Полтавы. Защита родной земли от иноземных захватчиков воодушевляла русских воинов на подвиги и самопожертвование.

Пленение остатков шведского войска у Переволочны позволило Петру заявить: шведская армия, «толь в свете славная», перестала существовать, «от оной кроме немногих сот, которые с королем через Днепр перешли, никто не убежал».

«Неслыханная в свете виктория», как называл царь Полтавскую победу, доставила ему множество приятных хлопот. Отдыху он отдает лишь часть короткой ночи, остальное время читает донесения, составляет «обстоятельную реляцию», отдает распоряжения. Подсчитаны пленные, убитые и раненные, уточнены собственные потери, взяты на учет трофеи: знамена и штандарты, пушки и телеги, лошади и оружие. Судя по трофеям, шведская армия не испытывала недостатка ни в боевых знаменах и штандартах, ни в холодном и легком огнестрельном оружии. Маловато у шведов было только пушек, ядер и пороху. 102 русским орудиям, действовавшим под Полтавой, шведы могли противопоставить только 39 пушек. Превосходство русской артиллерии обеспечили пущенные во время войны новые предприятия: на стволах мортир, гаубиц и пушек стояли клейма олонецких, уральских и тульских заводов.

Составляя реляцию, Петр подчеркивал, что победа досталась «лежким трудом», то есть сравнительно небольшими потерями. Обращал он внимание и на другой немаловажный факт: «из нашей пехоты токмо одна линия, в которой здесять тысяч обреталось, с неприятелем в бою была, а другая до того бою не дошла, ибо неприятели, будучи от нашей первой линии опровергнуты, побежали и тако побиты». Петр располагал численным превосходством над шведами, но не воспользовался им, ибо было достаточно даже передовой линии, чтобы сокрушить 32-тысячную армию Карла.

Потеря армии означала утрату могущества Швеции. Теперь уже Петр не сомневался в прочности своих приобрете-

ний в Прибалтике. Петербург находился в безопасности, о чем он в шутливой форме извещает «князя-кесаря» Ромодановского: «Ныне уже без сомнения желание вашего величества, яже резиденцию вам иметь в Петербурхе, совершилось чрез сей конечной упадок неприятеля».

Петр спешит развить успех, нанести новые удары, на этот раз по шведским гарнизонам, расположенным в прибалтийских крепостях, и тем самым принудить упрямого короля к миру. У царя уже готов план новой кампании, он поглощен будущим. Еще не распределены награды за участие в Полтавской баталии, и Меншиков не извещен о присвоении ему фельдмаршала, а руководитель дипломатической службы Гавриил Иванович Головкин не стал канцлером, еще не решено, как увековечить память о блестящей победе, а Петр занимается приготовлением к новому походу. 8 июля он сообщает Августу II о том, что «в середине сего месяца со всею армиею нашею, для совершения наших общих интересов, особою своею в Польшу идем, а кавалерия наша сего 9-го июля туда наперед поход свой восприимлет». С адмиралом Апраксиным он делится планами кампании: хорошо было бы «промысл учинить» в Выборге, но, рассуждал царь, пустота края и «протчие неудобства» вынуждают отложить операцию до зимы. А вот Ревель надобно «осадить и, с помощью Божиею, доставать».

Выдавая щедрые награды генералам, одних повышая в чине, других наделяя деревнями, третьих награждая орденами, Петр не оставил без внимания и офицеров, а также солдат, участвовавших в сражении, — им были выданы деньги в размере от месячного до полугодового жалованья. В наградах за Полтаву Петр ввел новшество — все участники сражения получили медали: солдаты — серебряные, офицеры — золотые. На их лицевой стороне был изображен нагрудный портрет Петра, а на оборотной — сражение пехоты на фоне Полтавы с надписью: «За Полтавскую баталию».

Наконец, царь намеревался увековечить память о победе монументальными сооружениями. Спустя две недели после битвы он отправил Монастырскому приказу повеление основать на месте сражения «в знак и вечное напоминание преславной той виктории» мужской монастырь, построить каменную церковь, а также воздвигнуть памятник. Он должен был выглядеть так: «А пред церковию сделать пирамиду каменную с изображением персоны нашей в совершенном возрасте на коне, вылитую из меди желтой, и под ней бой самым добрым художеством. А по сторонам той пирамиды на досках медных учинить подпись с объяснением

всех действий от вступления в Украину того короля шведского и с получением сей баталии».

В обстановке праздничной атмосферы, царившей в лагере под Полтавой, а затем в Решетиловке, «понеже у Полтавы ради духу от мертвых тел и долговременного стояния двух армий великих долее стоять было невозможно», Петр счел, что его личные заслуги в разгроме шведов тоже должны быть отмечены.

«Господин фельдмаршал, — обращается полковник «Piter» к Шереметеву, — прошу, дабы вы рекомендовали государям нашим обеим о моей службе, чтоб за оную пожалован был чином рыр- (то есть контр-. — *Н. П.*) адмиралом или шаунбейнахтом, а здесь в войске ранг, а не чин старшего генерал-лейтенанта. И о первом, как к вам с Москвы указ послан будет, тогда б и к адмиралу о том моем чине указ послан был же от их величества»¹².

Челобитная сочетает шуточное с серьезным. «Государи», к которым по просьбе челобитчика должен был обратиться с представлением Шереметев, — это «князь-кесарь» Федор Юрьевич Ромодановский и Иван Иванович Бутурлин, судья приказа земских дел.

«Государи», разумеется, не заставили себя упрашивать. Ромодановский сообщил царю, что он пожалован просимыми чинами за «храбрые кавалерские подвиги и в делах воинских мужественное искусство». Петр ответил выражением благодарности. В духе сложившихся отношений между членами «компании» царь свою признательность «князю-кесарю» формулировал так: «И хотя я еще столько не заслужил, но точию ради единого вашего благоутробия сие мне даровано, в чем молю Господа сил, дабы мог вашу такую милость впредь заслужить».

Из Решетиловки Петр отправился в Киев. Здесь, в Софийском соборе, он услышал удивившую его проповедь.

Проповеди, произносимые с амвонов церковными иерархами, царю приходилось слушать многократно. Плавнотекли витиеватые, мало понятные слушателям фразы. Традиция схоластических, оторванных от действительности проповедей складывалась столетиями. Слово, которое царь слушал в Софийском соборе, поразило необычным началом. Проповедник обращался к нему, живому человеку, и говорил о живом деле: «Пресветлейший и великодержавнейший всероссийский монарх и преславный войск свейских победителю, кое иное дать тебе приветствие и что большее в дар гостинный имамы принести тебе?» — патетически вопрошал оратор. Далее следовал рассказ о Полтав-

ском сражении, об измене Мазепы, о пленении шведов у Переволочны.

Царю импонировали оценки событий, произносимые с амвона: «Супостат, воистинну таковой, от якового непобежденному токмо быти великая была бы слава — что ж такого победити, и победити тако преславно и тако совершенно!» Ласкали слух царя обращенные к нему слова: «Ты не только посылал полки на брань, но сам стал против супостата, сам на первые мечи и копия устремился»¹³.

Кто же произносил проповедь, настолько понравившуюся царю, что он велел ее немедленно напечатать на русском и латинском языках?

Проповедником был префект Киевской академии Феофан Прокопович, блестящий оратор и не менее блестящий публицист. Он принадлежал к числу едва ли не самых образованных людей своего времени: окончил Киевскую академию, затем учился в Кракове, Львове и Риме.

Слушая похвальное слово Прокоповича, Петр обнаружил в монахе не только симпатии к себе, но и горячую приверженность к своим делам. Это и решило судьбу киевской знаменитости — со временем Прокопович станет ближайшим помощником Петра в проведении церковной реформы и пропагандистом петровских преобразований.

В Польшу царь отправился пожинать дипломатические плоды военной победы. Европейским дворам к тому времени были уже известны результаты баталии под Полтавой. Об этом позаботился сам Петр, отправив грамоты и реляцию о Полтавской виктории Голландским штатам, прусскому королю, венецианскому дожу, австрийскому императору, Августу II.

Понадобилось время, чтобы в Европе поверили, казалось бы, невероятным известиям о полном разгроме шведской армии. Шведы распространяли в прозе и стихах ложные сведения о том, что произошло под Полтавой. «Слухи о том, что король разбит и перешел Днепр, совершенно ложны», — читаем в одном из инспирированных шведами сообщений. Впрочем, даже стараниями почитателей Карла XII и наемных писак невозможно было скрыть подлинные размеры катастрофы сколь-либо долгое время.

Навстречу Петру, оваянному славой победителя, спешили союзники, ранее оставившие его в одиночестве. В Люблине его приветствовал обершталмейстер Августа II. От имени короля он пригласил Петра в Торунь. Август вновь стал польским королем — Станислав Лещинский, получив известие о разгроме войск своего патрона под Полтавой, решил

убраться из Польши. Петр иронизировал: «Лещинский бо-
роду отпустил (то есть ходит в трауре. — *Н. П.*) для того, что
корона его умерла».

К Петру, ехавшему в Торунь на крыльях славы, мчался ка-
мергер прусского короля. В свое время Фридрих I не отклик-
нулся на просьбу царя о посредничестве при заключении ми-
ра со Швецией. Теперь прусский король искал встречи с ца-
рем. В Торунь прибыл также чрезвычайный посол датского
короля, чтобы поздравить с победой и заодно домогаться за-
ключения оборонительного и наступательного союза.

26 сентября при въезде в Торунь царя в полумиле от го-
рода встречали польский король и сенат в полном составе.
Август II во время свидания пережил неприятные минуты.
Поздравляя Августа с восстановлением его прав на польский
престол, Петр сказал ему, что прошедшего не стоит вспоми-
нать; он, Петр, понимает, что король действовал вопреки
собственным интересам и не по своей воле. Август, слушая
утешительные слова царя, не сводил глаз с его шпаги. То
была шпага, которую Петр в знак дружбы некогда подарил
ему, Августу. Польский король преподнес этот подарок Кар-
лу XII, а Карл оставил шпагу на поле боя под Полтавой.

Царь и здесь проявил великодушие: простив крупное
предательство, он оставил без последствий и эту мелкую
подлость.

На Петра все эти торжественные встречи, высокопарные
слова, артиллерийские салюты, подобострастные взгляды
впечатления не произвели. Европейская слава и всеобщее
признание полководческих дарований не вскружили ему го-
лову. Он оставался самим собою, сохранив ту же простоту
поведения и обыкновение решать дела в непринужденной
обстановке за обеденным столом. «Мы здесь с господами
поляками непрерывно на конференциях о делах Ивашки
Хмельницкого бываем», — писал он в те дни.

Дипломатическая миссия царя завершилась полным ус-
пехом. Распавшийся Северный союз был восстановлен: по-
мимо России, Саксонии и Дании, в него вошла Польша.

Из Торуня для встречи с прусским королем Петр отпра-
вился в Мариенверден. Переговоры с Фридрихом I завер-
шились заключением оборонительного союза. Царь подарил
своему союзнику шпагу, которая была при нем во время
Полтавского сражения. Рослый царь носил увесистую шпа-
гу, не испытывая неудобств. Королю она затрудняла пере-
движение, и его придворный заметил: «Она была до того
массивна, что я постоянно боялся за моего доброго короля,
как бы он не упал с нею».

Полтавская виктория резко изменила положение России в Европе. Теперь уже при европейских дворах перестали хохотать по поводу неудачи под Нарвой и не сомневались ни в мощи России, ни в талантах полководца, сумевшего разгромить «непобедимых шведов». Герцог Луи Сен-Симон, вельможа французского короля Людовика XIV и автор 20-томных мемуаров, записал: 1709 год «принес полное изменение положения на севере: упадок, чтобы не сказать уничтожение Швеции, которая так часто приводила в трепет весь север и не раз заставляла дрожать империю и австрийский дом, и необычайное возвышение другой державы, доселе известной лишь по названию и никогда не влиявшей на другие страны, за исключением своих ближайших соседей».

На глазах изумленной Европы рождалась новая великая держава.